

ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЯ О ЗНАНИИ: ОТ ПОТРЕБНОСТИ В «НОРМИРУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ» К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМУ ОБМЕНУ И КОНКУРЕНЦИИ

Кошовец Ольга Борисовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт экономики РАН. Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Российская Федерация, 117417, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: helzerr@yandex.ru

В статье обсуждается вопрос о причинах эпистемологической и дисциплинарной неопределенности исторической эпистемологии, – в чем основание ее теоретической фрагментарности и избыточного предметного и инструментального разнообразия, а также слабого в сравнении с философией науки дисциплинарного статуса. В этой связи рассматриваются условия формирования философии науки в эпоху превращения науки в производительную силу и причины объективной потребности в «эпистемологической нормативности». Кроме того, высказывается гипотеза о причинах последующей утраты философией науки своей роли нормативного метадискурса – в частности, в связи с проблемой перепроизводства научного знания и кардинального влияния этого фактора на особенности развития современной науки как на эпистемологическом, так и на институциональном уровне.

Ключевые слова: историческая эпистемология, философия науки, производство научного знания, дисциплинарные знания, междисциплинарность, норма

PRODUCTION OF KNOWLEDGE ABOUT THE KNOWLEDGE: FROM THE NEED FOR THE “NORMALIZING LAW” TO THE INTERDISCIPLINARY EXCHANGE AND COMPETITION

Olga Koshovets – PhD in Philosophy, senior research fellow. Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. 32 Nakhimovsky avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences. 47 Nakhimovsky avenue, Moscow, 117417, Russian Federation; e-mail: helzerr@yandex.ru

The author discusses the reasons for the disciplinary and epistemological uncertainty of historical epistemology – why it is theoretically heterogeneous and fragmented as well why it needs excessive object domain and instrumental diversity, and what is the reason for its weak comparing with the philosophy of science disciplinary status. In this context, the author considers the conditions of the philosophy of science emergence that is the era of the science transformation into a productive force which causes the objective demand for “epistemological normativity”. The author puts forward the hypothesis about the reasons that have led the philosophy of science to the subsequent loss of its role of normative meta-discourse. In particular, it's drawn attention to the problem of overproduction of scientific knowledge and the fundamental impact of this factor on the development of the modern science both on the epistemological and the institutional levels.

Keywords: historical epistemology, philosophy of science, the production of scientific knowledge, disciplinary knowledge, interdisciplinarity, the norm

Вопрос о неопределенности исторической эпистемологии можно поставить как вопрос неопределенности ее предметного поля, либо как вопрос неопределенности ее дисциплинарного статуса. В обоих случаях имеет смысл предметно ответить на вопрос, что скрывается за этой неопределенностью. Как представляется, это позволит ответить на более общие вопросы об утрате философией монополии на производство знания о знании и об интервенции социальных и исторических дисциплин в область эпистемологии с их собственным режимом производства знания.

Данные размышления имеют целью посмотреть на проблему неопределенности исторической эпистемологии, поставленную С. Гавриленко, с точки зрения дисциплинарного и институционального развития науки, тогда как автор более сосредоточен на философских и эпистемологических следствиях. По мнению С. Гавриленко, неустойчивая конфигурация и «состав» исторической эпистемологии «определяется отличными от философии способами говорить о знании и исследовать его». Не отрицая верность этого утверждения, мы считаем, что доминирующий – эмпирический – способ производства знания в исторической эпистемологии, прежде всего, обусловлен логикой развития научного знания в рамках исторически сложившейся на Западе дисциплинарной модели развития науки. В этой связи далее мы сконцентрируем наше внимание на двух ключевых, как нам кажется, моментах данной проблемы, обозначенных С. Гавриленко: формирование философии науки как нормативного метадискурса и причины потери философией этого положения, а также на слабом дисциплинарном статусе исторической эпистемологии, почему она не сформировалась как дисциплина.

Нельзя не согласиться с утверждением С. Гавриленко, что философия науки «является нормативным метадискурсом», и что своей задачей она видит преобразование «фрагментарных и рассеянных практик производства знания в идеальные когнитивные схематизмы и обосновывающие операции, наделяемые статусом универсальности, необходимости и общезначимости». Однако почему, точнее, в связи с какими задачами появилась потребность в учреждении подобной «эпистемологической нормативности», в «гомогенном порядке представления»? В силу каких объективных условий исторического развития науки как общественного института возник «запрос» на новое обоснование универсальной сущности научного знания через своеобразное нормирование операций по его производству?

Современная наука характеризуется постоянным ростом числа научных дисциплин и направлений. Экономической основой этого процесса является разделение труда и процесс капитализации науки (вовлечение в сферу экономического производства), произошедшие в эпоху НТР [Анчишкин, 1989]. Этот период отмечен экспоненциаль-

ным ростом расходов ведущих государств на науку и последующим подключением к финансированию (в форме инвестиций) бизнеса. По нашему мнению, подобная ситуация формирует объективную потребность не только в выработке способов организации и управления исследовательской работой, но и в эталоне, нормативных характеристиках производимого знания, для чего нужен универсальный язык описания и инструменты идентификации. Фактически, в эпоху превращения науки в один из ключевых факторов стимулирования экономического роста философия выступила в роли «нормирующего законодательства» (задача которого установление границ, демаркация знания). Причем речь идет не столько об институализации определенных норм, сколько об их обосновании, формировании универсального дискурса и правил. Поскольку исторически дисциплиной-эталонном для большинства наук выступало математизированное естествознание, поэтому закономерно, что при выработке эпистемологических эталонов, концептов «нормальной науки», «идеальных когнитивных схематизмов» физика опять стала образцом.

Почему философия науки стала сдавать свои позиции нормативного метадискурса – это предмет отдельного исследования, причем не последнюю роль в нем играет собственная логика развития дисциплины. Отметим лишь одну важную, на наш взгляд, объективную причину – перепроизводство научного знания. Подобная ситуация с неизбежностью приводит к проблеме выбора направлений для финансирования. Поэтому отношения с наукой начинают объективироваться в таких системах финансирования, которые подразумевают отбор и конкуренцию. Если на этапе бурного развития НТР финансирование государства и бизнеса, стимулируя внутри- и междисциплинарную конкуренцию, способствовали росту эффективности и разнообразия научных знаний, то в условиях его перепроизводства конкуренция за финансирование поощряет борьбу за лидерство. Эта борьба развивается как на уровне наук, так и по всем нижележащим уровням – между дисциплинами, научными направлениями, коллективами [Кошовец, 2010].

Следствием этого процесса является дальнейшая специализация и углубление фрагментарности научного знания. Возникновение новых направлений и умножение потенциальных объектов и методов исследования как результат конкуренции обусловлены тем, что на определенном этапе развития некоторых наук происходит исчерпание изучаемого предмета, что стимулирует необходимость дальнейшего развития дисциплины всеми доступными способами: совершенствованием формального аппарата, использованием нового оборудования, заимствованием теорий, понятийного аппарата или средств из другой науки, расширением предметного поля. В результате открываются возможности дисциплинарного взаимодействия,

как путем кооперации с представителями других наук или интервенции в смежные дисциплины, так и посредством создания новых направлений на основе заимствования «познавательного продукта» и инструментария [Graff, 2015].

Кооперация позволяет производить «серийный продукт», который, как правило, лишь что-то уточняет в предыдущих исследованиях. Однако результат такого типа более пригоден для обмена с другими направлениями и как «инвестиция» в новые разработки. Чтобы «выжить» (получать финансирование), любой научной дисциплине необходимо постоянно и быстро продуцировать новые знания. Знания при этом начинают носить все более фрагментированный характер (как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания, которое становится все более частным и эмпирическим), но зато быстро пополняют дисциплинарную «когнитивную базу», легче вовлекаются в сети научной коммуникации и междисциплинарного обмена [Шилков, 2006].

В этом смысле философия науки, как и история науки, проигрывает в конкурентной борьбе исторической эпистемологии. При этом все «недостатки» и неопределенности последней, отмечаемые С. Гавриленко, включая избыточное предметное разнообразие, задание объекта исследования как «гетерогенной эмпирической множественности», «множество способов исследовать науку», «рассказывать эпистемологические истории», равно как и выстраивание самого исследования в режиме «отказа от конечной определенности», несомненно, являются достоинствами. Все это позволяет постоянно и быстро продуцировать новые знания и активно включаться в междисциплинарный обмен. Между тем, если рассматривать историческую задачу философии науки как формирование «нормирующего законодательства», следует отметить, что, по сути, подобная задача подразумевает определение и фиксацию нормы. Попытки ее проблематизировать ведут либо к разрушению, либо к созданию новой нормы. Однако современный этап развития и самой науки, и общества, и экономики не формируют потребность в новой норме или в создании нового универсального дискурса.

Почему это происходит? Безусловно, это не простой вопрос, но позволим себе предположить, что одной из причин является процесс разрушения исторически сложившейся дисциплинарной структуры организации знания и формирование новых, локальных по своей сути организационных и познавательных форм. Речь идет о широком распространении проблемной организации исследований, которое подразумевает решение некоей прикладной задачи в рамках определенного проекта (т. е. под цель, ради которой формируется исследовательский коллектив). Такие ситуации трансдисциплинарного взаимодействия интересны тем, что в них исходно нет общей онтологии, эпистемо-

логических стратегий, регулятивов и принципов, а есть лишь различный когнитивный базис, общий (формальный) инструментарий и технологии, а также практические императивы [Кошовец, 2010].

В отличие от философии науки историческая эпистемология слабее институализирована и вписана в сложившиеся дисциплинарные рамки. Нельзя не согласиться с С. Гавриленко, что историческая эпистемология – это «некоторое не преодолевшее порог дисциплинарности концептуальное пространство, лишенное четких очертаний». Каковы сильные и слабые стороны, формируемые дисциплинарной аморфностью? По нашему мнению, историческая эпистемология в основном функционирует в рамках т. н. фундаментального слоя научного знания. В то же время философия науки сформировалась как дисциплина в классической форме – на основе связки «исследование – обучение» и, соответственно, функционирует не только в рамках исследовательской работы, но и представлена в дисциплинарном слое знания. Поясним свою мысль.

В современном мире научные знания выполняют разные функции, поэтому воспроизводятся в разных формах. Это зависит от позиции субъекта, оперирующего знаниями, и от сферы, в которой знание производится и потребляется. Как минимум следует различать следующие четыре формы функционирования научного знания: фундаментальное (связано с позицией исследователя), прикладное / отраслевое (связано с позицией специалиста), дисциплинарное (связано с позицией субъектов системы образования) и популярное (функционирует в СМИ). Функция исследователя характерна для ученого, занятого производством знания ради знания (т. е. воспроизводством собственно науки). Получаемые здесь знания связаны с проблемным поиском. Особенность данного уровня в том, что он подвержен быстрой смене позиций субъекта в зависимости от достижений в рамках какой-то научно-исследовательской программы. Научные знания на этом уровне организованы *проблемными связями* [Кошовец, 2008].

В свою очередь, дисциплинарные знания составляют содержание учебников по соответствующим дисциплинам, где всегда представлен *законченный* объект описания, а знание, преобразованное с дидактической точки зрения, организовано *предметными и нормативными связями*. Исторически появление стандартных учебников и учебных программ способствовало формированию нормальной науки – т. е. формированию парадигмы [Сокулер, 2001]. Парадигма – образцовый и уже признанный пример для организации новых исследований, поэтому дисциплинарные знания – источник формирования компетенции и необходимый базис для дальнейшего ведения прикладных разработок [Визгин, 1995]. Прикладные исследования в основном обеспечивают постоянный прирост новых знаний. Между тем, позиция исследователя предполагает выход за пределы дисциплинарного

знания и устойчивых предметных связей – т. е. их проблематизацию. Проблематизация же препятствует росту знаний, но обеспечивает возможность смены парадигмы, следовательно, дальнейшее развитие самой науки. Таким образом, по-видимому, именно дисциплинарная аморфность способствует бурному развитию исторической эпистемологии и производству как оригинальных концептуализаций, так и очень частных фрагментированных эмпирических результатов, которые, с другой стороны, препятствуют оформлению парадигмы.

В заключение отметим, что эпистемологическое и дисциплинарное состояние исторической эпистемологии с ее «зонами отложения неопределенностей», в конечном счете, емко отражает современное состояние науки и запросы к ней, определяющие ее развитие, где ключевыми компонентами становятся борьба за ресурсы и лидерство, включенность в сети междисциплинарных коммуникаций и обмена, способность привлечь к себе внимание и участвовать в целевых проектах. Однако социальная включенность науки (ученых) не может рассматриваться только в качестве фактора ограничивающего познание, прежде всего, она есть необходимое условие любой научной деятельности [Романов, 2003, с. 301–321].

Список литературы

Анчишкин, 1989 – Анчишкин А.И. Наука – Техника – Экономика. М.: Экономика, 1989. 383 с.

Визгин, 1995 – Визгин В.П. Математика в классической физике // Физика XIX–XX в. в общенаучном и социокультурном контексте. М.: Наука, 1995. С. 6–72.

Кошовец, 2008 – Кошовец О.Б. Эксперт и воспроизводство научного знания // Экономика как искусство: методол. вопр. применения эконом. теории в приклад. социально-эконом. исслед. / Под ред. О.И. Ананьина. М.: Наука, 2008. С. 210–249.

Кошовец, 2010 – Кошовец О.Б. Дисциплинарное воспроизводство экономического знания (эпистемологический, онтологический и социально-экономический аспекты). М.: Ин-т экономики РАН, 2010. 48 с.

Романов, 2003 – Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Психолого-типолог. аспект. М.: Издат. Савин С.А. 447 с.

Сокулер, 2001 – Сокулер З.А. Знание и власть. Наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001. 184 с.

Шилков, 2006 – Шилков Ю.М. Дисциплинарный образ современной науки // Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VII. № 1. С. 131–147.

Graff, 2015 – Graff H.J. Undisciplining Knowledge: Interdisciplinarity in the Twentieth Century. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 344 p.

References

Anchishkin, A. I. *Nauka – Tekhnika – Ekonomika* [Science – Technology – Economy]. Moscow.: Ekonomika, 1989. 383 pp. (In Russian)

Graff, H. J. *Undisciplining Knowledge: Interdisciplinarity in the Twentieth Century*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 344 pp.

Koshovets, O. B. “Ekspert i vosproizvodstvo nauchnogo znaniya” [Expert and the production of scientific knowledge], in: *Ekonomika kak iskusstvo: metodologicheskie voprosy primeneniya ekonomicheskoi teorii v prikladnykh sotsial’no-ekonomicheskikh issledovaniyakh* [Economy as art: methodological issues in the application of economic theory to applied socio-economic research]. Moscow: Nauka, 2008, pp. 210–249. (In Russian)

Koshovets, O. B. *Disciplinarnoe vosproizvodstvo jekonomicheskogo znaniya (jepistemologicheskij, ontologicheskij i social’no-jekonomicheskij aspekty)* [Disciplinary Reproduction of Economic Knowledge]. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2010. 48 pp. (In Russian)

Romanov, V. N. *Istoricheskoe razvitie kul’tury. Psihologo-tipologicheskii aspekt* [The historical development of culture. Psycho-typological aspect]. Moscow: Izdatel’ Savin S.A, 2003. 447 pp. (In Russian)

Shilkov, Ju. M. “Distiplinarnyi obraz sovremennoi nauki” [The disciplinary image of modern science], *Epistemology & philosophy of science*, 2006, Vol. VII, No. 1, pp. 131–147. (In Russian)

Sokuler, Z. A. *Znanie i vlast’. Nauka v obshchestve moderna* [Knowledge and power. Science in the modern society]. St. Petersburg: RHGI, 2001. 184 pp. (In Russian)

Vizgin, V. P. “Matematika v klassicheskoi fizike” [Mathematics in classical physics], in: *Fizika XIX–XX v.v obshchenauchnom i sotsiokul’turnom kontekste*. [Physics of XIX-XX century in general scientific and socio-cultural context]. Moscow: Nauka, 1995, pp. 6–72. (In Russian)